

УДК 323.174

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В УСЛОВИЯХ РЕПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

© 2008 г. Э.Т. Майборода¹

На основе анализа серии конфликтных событий в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае рассмотрены проблемы управления этнополитическими процессами в условиях реполитизации этничности. Предложены пути осуществления проактивного управления региональными этнополитическими процессами: создание института регионального уполномоченного по национальным вопросам (этноомбудсман), проведение совещаний по третейскому/диалоговому разрешению межэтнических споров, организация Интернет-портала общественного характера, использование программно-плановых форм управления. В качестве инновационного подхода к управлению региональными этнополитическими процессами предложена векторно-синхронизированная структурная модель регионального управления.

В последнее десятилетие проблема управления этнополитическими процессами стала одной из самых значимых для Юга России. Этнополитические процессы представляют собой совокупность динамичных, взаимозависимых действий этнических общностей, направленных на последовательное решение вопросов общественно-политической жизни с использованием различных методов управления и способов функционирования. В настоящее время основной проблемой управления региональными этнополитическими процессами является инертность административной деятельности региональных властей. Все более очевидной становится необходимость поиска новых методов и стилей регионального управления этнополитическими процессами, что предполагает выявление возможностей его осуществления и путей реформирования для обеспечения адекватного ответа вызовам реполитизированной этничности.

В полиэтничном Северо-Кавказском регионе даже при формальном признании равного статуса различных народов и этнических групп этнократическая модель управления включает параметры этнической конкуренции и системно приводит к иерархизации положения этнических групп. В настоящее время конституирование идентичности этнической общности как самоорганизующейся системы сопровождается установлением собственной иерархии разнообразных

ролевых принадлежностей с распределением социальных статусов и авторитетов.

В этих условиях феномен этнической идентичности находит свое выражение в развивающейся «мобилизационной» этнизации, направленной на сохранение характерных для народов Северо-Кавказского региона атрибутов традиционной идентичности, отличной от формирующейся российской общегражданской идентичности. В связи с этим и без того непростая задача по решению проблем политизированной идентичности этнических сообществ в полиэтнических системах приобретает специфически критическое измерение и требует перехода к новой системе управления региональными этнополитическими процессами.

Управление в самом общем виде, если рассматривать такой его вид, как государственное управление (администрирование), есть планомерное, сознательное, целенаправленное властно-волевое воздействие государства на участников социальных отношений для достижения определенных целей. Деятельность государства в данном случае будет реализовываться посредством двух основных массивов воздействия: правового регулирования (выражающего долгосрочную стратегию и определяющего рамки управления) и администрирования (исполнительно-распорядительного воздействия, направленного на решение тактических задач). Наиболее широко в науке распространено представление о государственном управлении как о деятельности государства, не связанной ни с правотворчеством, ни с правосудием [1].

¹ Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону.

В настоящее время классическая модель управления регионом представляет собой формы, которые можно описать в следующем виде:

1) реактивное управление (администрирование в виде реакции на событие);

2) проективное управление (администрирование в виде долгосрочного планирования и контроля над исполнением решений).

Реактивное и проективное управление – это формы управления, разработанные еще в XIX столетии и наиболее адекватные индустриальной цивилизации. Подобные формы управления в ряде случаев эффективны в современном мире, их достоинства и недостатки хорошо изучены. Поэтому возможна оптимизация и «приспособление» данных форм к изменяющимся условиям. Однако в информационном обществе обнаруживаются значительные недостатки как реактивных, так и плановых систем администрирования: в нарастающем информационном давлении «время отклика» администратора на событие неизбежно возрастает, а количество событий, требующих «отклика», увеличивается. Чем совершеннее коммуникация, тем быстрее развивается любая ситуация. Если появление оптического телеграфа, железных дорог и пароходов повлекло за собой появление бюрократии, то появление медиапространства и методов мгновенной связи представляет собой не технологические изменения, а цивилизационные. Коммуникация и передача основного товара современности – информации – становится общедоступной и все более неконтролируемой. Эти изменения бросают вызов существованию традиционных форм государственного и регионального управления. И либеральное государство, и бюрократическое государство, и разнообразные сочетания этих схем уже не могут адекватно и эффективно отвечать вызовам информационного общества. Это способствует нарастанию энтропии системы управления, и если современный этап регионального управления – это «накопление сбоев», то на смену ему придет «время хаоса». Это не только грозит неудачами в административной деятельности, но и может привести к коллапсу системы жизнедеятельности, тем более, как известно, чем сложнее система, тем более она уязвима. В условиях современных общественных трансформаций наиболее перспективным является переход к проактивному управлению. Проактивное управление можно определить как конструирующий метод управления, позволяющий сформировать необходимую социальную реальность с целью оптимизации функционирования социально-политиче-

ской системы общества при сохранении главенствующей роли государства.

В настоящее время самой нестабильной системой для Юга России является сфера межэтнических отношений. В регионе имеется ряд неурегулированных проблем разноуровневого характера: конкуренция этнических элит, территориальные споры между этническими субъектами и внутренние республиканские размежевания по национальным районам, этническая конкуренция на региональных рынках труда. Ситуация стала не столько лучше или хуже по сравнению с серединой или концом 1990-х гг., она, как отмечает В.А. Авксентьев, стала качественно иной. Регион вступил в длительную полосу затяжного регионального этнополитического кризиса [2].

Для понимания динамики конфликтного процесса в регионе в новом десятилетии XXI века важно отметить, что на рубеже 1990-х и нового десятилетия XXI века конфликтность переместилась с регионального уровня (открытые конфликты с этапами вооружённой борьбы) на локальный, что стало одной из причин неадекватной оценки динамики процесса органами власти. Локальные – это фактически межобщинные конфликты, в которых власть, как правило, региональная, выступает в качестве посредника, а не стороны конфликта, как это бывает в этнополитических конфликтах.

Л.Л. Хоперская и В.А. Харченко предлагают развернутую характеристику данного типа конфликта и следующую типологию: 1) конфликты старожильческого населения и трудовых этнических мигрантов; 2) конфликты старожильческого населения с вынужденными мигрантами; 3) конфликты, возникающие в полиэтничных районах с населением, имеющим специфический статус – репрессированные, депортированные, разделенные народы. Конфликты возникают по поводу справедливости (или несправедливости) получения компенсаций и преференций от государства. Это районы Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана, Калмыкии, некоторых других субъектов [3].

Рассмотрим проблему реполитизации этничности на примере событий в Карачаево-Черкесской Республике (КЧР), вызванных реализацией Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», № 131-ФЗ [4]. Сложившаяся в советское время система районирования, основанная на административно-территориальном принципе, в соответствии с указанным законом была заменена системой местного самоуправле-

ния, встал вопрос об установлении границ создающихся муниципальных образований.

Парламент КЧР 28 декабря 2004 года принял закон «Об установлении границ муниципальных образований на территории Усть-Джегутинского района и наделении их соответствующим статусом» [5]. Этот закон жители абазинского аула Кубина с населением около 2,5 тыс. человек восприняли как отчуждение земель их муниципального образования. Передача в 2004 году территорий абазинского села Кубина городу Усть-Джегута с преимущественным карачаевским населением вызвала массовый протест среди абазинского населения, что явилось классическим конфликтом интересов за право владения не земельными угодьями, а расположенным на них крупнейшим объектом промышленности Карачаево-Черкесии – тепличным комбинатом «Южный». Комбинат принадлежит правительству Москвы и круглогодично обеспечивает мегаполис овощами и ягодами, а около 3 тыс. местных жителей – работой, местный бюджет – 8 млн рублей ежемесячных налоговых отчислений [6].

Сначала жители села пытались отстоять свои земли посредством судебных исков к парламенту и президенту республики. Однако Верховный суд РФ 22 июня 2005 г. оставил закон без изменения. Это обстоятельство привело к тому, что 27 июня 2005 г. был созван экстренный съезд представителей абазинского народа, которые организовали бессрочный митинг перед Домом Правительства Карачаево-Черкесии, а 29 июня 2005 г. во время работы сессии народного собрания захватили парламент [7].

В результате политического кризиса 9 июля 2005 г. на внеочередной сессии Народного собрания Карачаево-Черкесской Республики было принято решение об образовании Ногайского и Абазинского районов. По итогам референдума 1 июня 2006 г. с внесением изменений в региональное законодательство был образован Абазинский район [8].

Эти же события в республике ускорили актуализацию образования и Ногайского административного района, в который анклавно включены муниципальные образования нынешнего Адыгэ-Хабльского района КЧР [9].

Для обустройства районного центра и создания необходимой инфраструктуры Абазинского и Ногайского районов установлен переходный период до 1 января 2009 г. До этого момента аулы, вошедшие в Абазинский и Ногайский районы, продолжают функционировать в составе прежних районов. Хотя законодатели подчер-

кивают, что новые районы – не этнические автономии в собственном смысле слова [8], привнесение этнического компонента в формирование муниципальных образований свидетельствует о реполитизации этничности в северокавказском макрорегионе и создает новые риски.

Во-первых, создание новых муниципальных образований неизбежно приведет к перераспределению занимаемых должностей во всех муниципальных структурах в соответствии с этнической стратификацией общества. Этноклановая борьба вокруг каждого места в муниципальном управлении в состоянии привести республику к крупномасштабному региональному межэтническому конфликту.

Во-вторых, прецедент создания новых районов с этническими названиями дает возможности для политических манипуляций и этнической мобилизации в ряде регионов Северного Кавказа. Потребовать создания своих автономий готовы часть русских и черкесов в КЧР (соответственно 40 и 10% населения республики) [10]. В нескольких районах Кабардино-Балкарии балкарские населенные пункты включены в состав муниципалитетов с преимущественно кабардинским населением. К примеру, в Баксанском районе, как и в Усть-Джегуте, это связано с переделом собственности. Данные обстоятельства могут быть использованы этнополитическими лидерами для увеличения своего политического капитала в электоральных кампаниях и спровоцировать новый виток адыго-тюрского противостояния.

Республика Ингушетия до сих пор не имеет законодательно определенных административных границ: на картах она образует единое целое с Чечней. Фактическая граница прочерчена между федеральными блокпостами, отделяющими от остальной России «зону контртеррористической операции». Чеченские власти хотят пересмотреть в свою пользу границы нефтеносного Малгобекского района Ингушетии, а также «подправить» границы Сунженского района, центром которого в Чечне является станция Ассиновская, а в Ингушетии – станция Слепцовская [6].

Республика Ингушетия, в свою очередь, имеет претензии к Республике Северная Осетия–Алания: конституция Ингушетии закрепляет в качестве приоритета республиканской политики возвращение «отторгнутых территорий» [11], то есть Пригородного района, ныне относящегося к Северной Осетии. Североосетинские депутаты разграничили свои муниципалитеты в предусмотренный законом срок [4], естественно,

в том числе и в Пригородном районе. Но их ингушские коллеги, продолжая считать Пригородный отторгнутой частью Ингушетии, настойчиво просят пересмотреть границы и статус данной территории.

В-третьих, создание Ногайского района в КЧР рассматривается этнополитическими лидерами ногайского народа как первая победа на пути создания Ногайской республики в составе Российской Федерации [12].

В основе этих локальных межэтнических напряжений и конфликтов лежат неразрешенные проблемы в экономической (распределение собственности, земельные и трудовые отношения), политической (представительство в органах власти, формы политического участия), социальной и духовно-культурной (образование, культура, язык, религия) сферах. Локальные межэтнические конфликты отличаются составом субъектов, в качестве которых выступают администрации муниципальных образований, представители местных силовых структур, формальные и неформальные этнические объединения. Как отмечает Г.С. Денисова, «в политическую деятельность активно включился еще один политический субъект – различные национальные общественно-политические организации и объединения, которые выступают с идеей отстаивания интересов не республик по отношению к центру, а этносов» [13]. Новое разыгрывание этнической карты связано с ощущением неодинаковости реальных возможностей в области реализации социально-экономических прав (особенно права на землю) и попытками обеспечить большие возможности, скорее даже преференции, политическими методами. На этой почве усиливается межэтническое противостояние и в ряде случаев перерастает в локальные межэтнические конфликты.

Локальные межэтнические конфликты ошибочно считаются менее опасными по сравнению с крупномасштабными конфликтами. Нередко властные органы, работающие со средствами массовой информации, стремятся осуществить «идеологическую редукцию» таких конфликтов – представить их как неэтнические, как бытовые, предлагая общественному мнению неадекватный выбор между бытовым конфликтом и этническим конфликтом [14].

Примером «идеологической редукции» в локальном конфликте может служить серия конфликтных эпизодов в г. Ставрополе в конце весны – начале лета 2007 г. Вечером 24 мая 2007 г. в Ставрополе произошло массовое столкновение между молодёжными группировками.

Интерфакс, со ссылкой на ГУВД Ставропольского края, указывает число участников – от 100 до 300 человек [15]. В ходе конфликта был убит студент одного из вузов города, чеченец по национальности. В ночь со второго на третье июня были убиты двое студентов-славян. Появилась версия о том, что это убийство стало мстью кавказцев за погибшего юношу. В то же время правоохранительные органы озвучили свою точку зрения, согласно которой преступление совершено с целью ограбления. Во вторник, 5 июня, после похорон убитых студентов в центре Ставрополя состоялся стихийный митинг «Славянский сход», закончившийся беспорядками. 7 июня в г. Ставрополь прибыла делегация во главе с полномочным представителем Президента России в Южном федеральном округе (ЮФО) Д.Н. Козаком и министром внутренних дел Российской Федерации Р.Г. Нургалиевым, а также заместителем министра внутренних дел А.Л. Еделевым и заместителем генерального прокурора РФ в ЮФО И.И. Сыдоруком. В итоге было принято решение, что оснований для придания конфликту межнациональной окраски нет. Средствам массовой информации рекомендовали оперировать только проверенной информацией и не заниматься распространением слухов. Также говорилось о необходимости создания единого информационного центра.

Одной из основных причин столь стремительного развития событий, когда серия конфликтных эпизодов, связь между которыми до конца не ясна, привела к массовой панике и парализовала нормальную жизнедеятельность города на несколько дней, явилась неадекватная работа властных структур со средствами массовой информации. Отсутствие единой эффективной службы информирования привело к тому, что роль «телефона доверия» пришлось взять на себя городской службе спасения. Между тем, этот конфликт показал, что важнейшим инструментом антиконфликтного менеджмента является управление информационными потоками в конфликте. Конфликтный процесс в Ставрополе стал неуправляемым, когда был потерян контроль над информационными потоками, и, наоборот, вернулся в управляемую фазу, когда этот контроль был восстановлен. В данной ситуации краевые и муниципальные органы власти показали низкую степень готовности к нестандартным ситуациям, требующим информационного сопровождения.

Экспертами прогнозировался рост региональной конфликтности в 2007–2008 гг. как закономерный результат электорального цикла [14],

однако никто не предполагал, что его конфликтное воздействие на социально-политические процессы на Ставрополье будет столь сильным. По экспертным оценкам, «развитие событий с осени 2004 г. и в 2005–2007 гг. свидетельствует, что период относительной деполитизации этничности закончился и наступает период реполитизации этничности, результатом которой, в отличие от политизированной этничности первой половины и середины 1990-х годов, будет политизированная этноконфессиональная идентичность» [16]. В условиях возвращения этничности на политическую авансцену региональные администрации оказались вынужденными брать на себя управление этноконфликтными процессами, которые ранее относились к федеральному уровню компетенции. Коренное изменение принципов деятельности в политической и экономической сферах общественной жизни вынуждает администрации регионов становиться субъектами региональной власти и управления. Эта новая социальная роль требует управления иного типа, отличного от простого администрирования. Переход к проактивному методу управления открывает новые возможности в управлении региональными этнополитическими процессами.

Безусловно, переход к проактивному управлению не может быть мгновенным. На первом этапе необходимо:

- приблизить реактивное управление к режиму реального времени, максимально сократив «время отклика» (диалоговое взаимодействие с национально-культурными общественными организациями и национально-культурными автономиями, применение «готовых» форм реагирования в случае конфликта, прогнозирование и предупреждение конфликта), упорядочить проведение социологических исследований. Сопровождения по третейскому/диалоговому разрешению межэтнических споров с участием представителей власти, лидеров и активистов национально-культурных общественных организаций и национально-культурных автономий, этноконфликтологов и этнопсихологов могут стать эффективной формой диалога в пространстве этносубъектов. Это представляется достаточно перспективной формой разрешения взаимных «претензий»;

- максимально использовать перспективные проективные (программно-плановые) формы управления, гармонизирующее воздействие которых на область этнонациональных отношений нельзя недооценивать. Однако их необходимо активнее внедрять в медиaprостранство. Решаю-

щее значение будет иметь не только осуществление запланированных действий и мероприятий (например, реализация программы «Развитие этнических и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007–2009 гг.» [17]), но и демонстрация населению участия власти в решении проблем межэтнического взаимодействия, что может послужить повышению «уверенности», «защищенности» в обществе;

- создать промежуточные формы взаимодействия между представителями институтов региональной власти и лидерами этнических сообществ – институт регионального уполномоченного по национальным вопросам (этно-омбудсман);

- для повышения эффективности деятельности этноомбудсманов весьма желательно организовать окружной координационный центр, находящийся в тесной связи с «экспертным сообществом» и органами федерального округа;

- источником информации о «самочувствии» населения должен стать интернет-сайт «общественного», а не «официального» характера. Интернет-формы подачи информации о состоянии межэтнических отношений в регионе эффективны для быстрой организации обратной связи с населением и привлечения специалистов из других регионов. Необходимо сформировать площадку для обсуждения важнейших тем этнического взаимодействия. В рамках сайта становится возможна популяризация специализированных интернет-ресурсов, например научно-экспертных центров по проблемам этнических меньшинств и регулирования этнических конфликтов (Европейский центр по проблемам этнических меньшинств, Берхов-центр по проблемам конструктивного регулирования конфликтов, Международный консорциум конфликтологических исследований, Международный центр информации по этнокультурному разнообразию) [18]. Контент-анализ материалов интернет-форумов может быть хорошим дополнением, а в отдельных случаях – заменой дорогостоящих массовых опросов. Реакция на публикации и обсуждение актуальных проблем является важным источником информации о «температуре» межэтнических отношений, при этом информация может быть представлена как официальными данными, так и «собственными источниками», что, несомненно, удобно в тех случаях, когда официальное информирование по каким-либо причинам нецелесообразно.

На современном этапе развития регионального управления актуализируются две альтернативы использования возможностей Интернета:

гармонизирующее информационно-гигиенизирующее воздействие администраторов или захват информационного поля неконтролируемыми распространителями слухов, в том числе откровенно провокационных, и националистической пропаганды.

В качестве возможного подхода к управлению региональными этнополитическими процессами можно предложить модифицированную векторно-синхронизированную структурную модель регионального управления:

- 1) построение сценарной модели управления;
- 2) определение целеполагания управления и построение древа целей управления;
- 3) маркирование рамок (правовых границ) управления;
- 4) определение каталога предпочтительных методов или техники управления;
- 5) определение пространства управления;
- 6) реализация сценарной модели;
- 7) выявление и оценка результатов управляющего воздействия [19].

Данная модель предлагалась в свое время для описания алгоритмов государственной политики. Однако на региональном уровне требуется видоизменить отдельные ступени структуры и, самое главное, понимать, что временные рамки реализации структуры должны отражать и опережать интенсивность этнополитических процессов.

Необходимо отметить, что построение сценария управления или сценарной модели – это не планирование в классическом виде. Сценарии, составляющие модель, должны быть не статичными директивами, а динамическими структурами, где директивна лишь цель. Сценарии должны быть предельно краткосрочны, ибо только в этом случае цель не успевает изменить значение. Таким образом, модель, состоящая из отдельных микросценариев, дискретна и позволяет изменять отдельные элементы для сохранения их сонаправленности. Фактически это оперативное планирование в реальном времени (причем в настоящее время подобные практики имеют место в условиях чрезвычайных ситуаций – т.н. штабное управление). Главным условием успешного управления региональными этнополитическими процессами является синхронизация микросценариев в рамках сценарной модели и самих моделей в рамках общих целей региональной политики.

Статья подготовлена по исследовательскому проекту «Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии» Программы фундаментальных исследований

Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрах Д.Н. Административная власть как вид государственной власти // Государство и право. 1992. № 3. С. 13–20.
2. Авксентьев В.А. Исследовательский проект «Разработка теоретико-методологических проблем региональной конфликтологии»: постановка проблемы и первые результаты // Бюллетень отдела социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН. Вып. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. С. 9–16.
3. Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. 164 с.
4. Федеральный закон РФ от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
5. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 11 декабря 2006 г. № 103-РЗ «Об установлении границ муниципальных образований на территории Усть-Джегутинского района и наделении их соответствующим статусом» // День Республики. 12 декабря 2006.
6. Сухов И. На Кавказе идет муниципальная реформа с применением огнестрельного оружия // <http://www.ingushetiya.ru/news/5618.html>
7. Козлова Н. Захват парламента как способ решить вечный вопрос // Российская газета. 30 июня 2005 г. № 3808.
8. Закон Карачаево-Черкесской Республики «Об установлении границ муниципальных образований на территории Абазинского района и наделении их соответствующим статусом» от 11 декабря 2006 г. № 103-РЗ // День Республики. 19 декабря 2006 г.
9. Закон Карачаево-Черкесской Республики «Об установлении границ муниципальных образований на территории Хабезского района и наделении их соответствующим статусом» в ред. Закона КЧР от 11.12.2006 № 105-РЗ // <http://www.karachaevcherkess.vybory.izbirkom.ru>
10. Горячее многоточие // Время новостей. № 130. 21 июля 2005 г. <http://www.vremya.ru/2005/130/4/130209.html>
11. Конституция Республики Ингушетия в ред. закона от 23 октября 2003 № 15-РЗП. Ст. 11 // <http://www.ingushetiya.ru/ri/legislation/3.html>
12. Референдум в Карачаево-Черкессии может стать началом парада суверенитетов в многонациональных республиках // Независимая газета. 12 октября 2006 г.

13. *Денисова Г.С.* О мониторинге этносоциальных процессов в Северо-Кавказском регионе // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 20: Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 354–367.
14. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: экспертное мнение. М.: Альфа-М, 2007. 208 с.
15. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Lenta.ru>
16. *Авксентьев В.А.* Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития // Обозреватель. 2006. № 7. С. 19–27.
17. Программа «Развитие этнических и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007–2009 годы // <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw0772007-06-01.html>
18. *Ахлаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Уч. пос. М.: Дело, 2005. 472 с.
19. *Майборода Э.Т., Цанко М.И.* Соотношение федерального и регионального компонентов в современной российской национальной политике // Актуальные проблемы политической регионалистики: Сб. науч. ст. Вып. I. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. С. 112–119.

MANAGEMENT OF REGIONAL ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN CONDITIONS OF REPOLITIZATION ETHNICITY

E.T. Maiboroda

The problems of management of ethnopollitical processes in conditions of repollitization of ethnicity on the basis of the analysis the series of conflicting events in Karachaevo-Cherkesia and Stavropol region are examined. Some ways of realization of pro-active management of regional ethnopollitical processes, such as creation of institute of the regional representative on ethnic questions (ethnoombudsman), carrying out meetings regarding the arbitrating/dialogical resolution of interethnic disputes, creating of the public Internet-portal, maximal use of projective forms of management are offered in the paper. The vector-synchronized structural model of regional management as the innovative approach to management of regional ethnopollitical processes is offered.

REFERENCES

1. Bakhrakh D.N. 1992. [Administrative authority as a kind of Government]. *Gosudarstvo i pravo*. (3): 13–20. (In Russian).
2. Avksentyev V.A. 2006. [The research project “Development of theoretical and methodological problems of regional conflictology”: the statement of problem and the first results]. In: *Byulleten' otдела sotsial'no-politicheskikh problem Kavkaza Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. [Bulletin of the Department of socio-political problems of the Caucasus Southern Research Center of the Russian Academy of Sciences.]. Vol. 2. Rostov-on-Don: 9–16. (In Russian).
3. Khoperskaya L.L., Kharchenko V.A. 2005. *Lokal'nye mezhetnicheskie konflikty na Yuge Rossii: 2000–2005 gg.* [The local interethnic conflicts in the south of Russia: 2000–2005]. Rostov-on-Don, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Publishers: 164 p. (In Russian).
4. 2003. Federal'nyy zakon RF ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131 “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii”. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (40). Article 3822. (In Russian).
5. 2006. Zakon Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki ot 11 dekabrya 2006 g. № 103-RZ “Ob ustanovlenii granits munitsipal'nykh obrazovaniy na territorii Ust'-Dzhegutinskogo rayona i nadelenii ikh sootvetstvuyushchim statusom”. *Den' Respubliki*. 12 December. (In Russian).
6. Sukhov I. 2005. [The municipal reform with application of weapons is on the Caucasus]. *The Republic of Ingushetia. Official site*. July 21. Available at: <http://www.ingushetia.ru/news/5618.html> (accessed: 15.12.2007). (In Russian).
7. Kozlova N. 2005. [Occupation of Parliament as a way to resolve an eternal issue]. *Rossiyskaya gazeta*. (3808): p. 2. (In Russian).
8. 2006. Zakon Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki “Ob ustanovlenii granits munitsipal'nykh obrazovaniy na territorii Abazinskogo rayona i nadelenii ikh sootvetstvuyushchim statusom” ot 11 dekabrya 2006 goda № 103-RZ. *Den' Respubliki*. 19 December. (In Russian).
9. 2006. Zakon Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki “Ob ustanovlenii granits munitsipal'nykh obrazovaniy na territorii Khabezskogo rayona i nadelenii ikh sootvetstvuyushchim statusom” v red. Zakona KChR ot 11.12.2006 № 105-RZ. Available at: <http://www.karachaev-cherkess.vybory.izbirkom.ru> (accessed: 15.12.2007). (In Russian).
10. 2005. Goryachee mnogotochie. *Vremya novostey*. No 130. July 21. Available at: <http://www.vremya.ru/2005/130/4/130209.html> (accessed: 15.12.2007). (In Russian).
11. 2003. Konstitutsiya Respubliki Ingushetiya v red. zakona ot 23 oktyabrya 2003 №15-RZP. St. 11. Available at: <http://www.ingushetiya.ru/ri/legislation/3.html> (accessed: 15.12.2007). (In Russian).
12. Referendum v Karachaevo-Cherkessii mozhet stat' nachalom parada suverenitetov v mnogonatsional'nykh respublikakh. *Nezavisimaya gazeta*. 12 oktyabrya 2006 g. (In Russian).
13. Denisova G.S. 2003. [Ethnosocial monitoring processes in the North Caucasus region]. In: *Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tekhnologii razresheniya*. Vyp. 20: *Regional'nye konflikty: modelirovanie, monitoring, menedzhment*. [Social conflicts: forensics, prediction, technologies of permission. Iss. 20: Regional conflicts: modelling, monitoring and management]. Moscow, Editorial URSS: 354–367. (In Russian).
14. Avksentyev V.A., Gritsenko G. D., Dmitriyev A.V. 2007. *Regional'naya konfliktologiya: ekspertnoe mnenie*. [Regional conflictology: an expert opinion]. Moscow, Alpha M: 208 p. (In Russian).
15. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Lenta.ru> (In Russian).
16. Avksentyev V.A. 2006. [North Caucasus: repolitization of ethnicity and conflict scenes of development]. *Obozrevatel'*. No. 7: 19–27. (In Russian).
17. Programma “Razvitie etnicheskikh i etnokonfessional'nykh otnosheniy v Stavropol'skom krae na 2007–2009 gody”. Available at: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw0772007-06-01.html> (accessed: 15.12.2007). (In Russian).

18. Aklaev A. R. 2005. *Etnopoliticheskaya konfliktologiya: analiz i menedzhment. Uchebnoe posobie.* [Ethnopolitical conflictology: analysis and management. Teaching material]. Moscow, Delo Publ.: 472 p. (In Russian).
19. Mayboroda E.T., Tsapko M. I. 2004. [A ratio of federal and regional components in modern Russian national policy]. In: *Aktual'nye problemy politicheskoy regionalistiki: Sbornik nauchnykh statey. Vyp. I.* [Actual problems of a political regionalistika: Collection of scientific articles. Vyp. I]. Stavropol: Stavropol State University Publ.: 112–119. (In Russian).